

18+

ПОСЛЕДСТВИЯМ КАПЕЕВ

КОМИКС СО СМЕРТЕЛЬНОЙ ТАЙНОЙ

Ислям Капеев

Комикс со смертельной тайной

«Издательские решения»

Капеев И.

Комикс со смертельной тайной / И. Капеев — «Издательские решения»,

Илья Сергеев на этот раз снова взялся оказать помощь. Только вот не юридическую, а сыскную. Его старой знакомой начинает приходить комикс, где изображены разные варианты ее смерти. И через некоторое время нарисованное начинает воплощаться в жизнь, но она чудом остается жива. Илье предстоит отыскать художника, защитить знакомую. Прошрое, как оказалось, не сгорает, а ждет, когда его дорисуют. Предметы искусства становятся уликами, а смерть — сюжетом комикса.

© Капеев И.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Комикс со смертельной тайной

Ислям Капеев

Корректор Лилиана Голава

© Ислям Капеев, 2026

ISBN 978-5-0070-2021-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Каждая история со знакомым уже героем — это своеобразная спираль, которая на новом витке показывает разные стороны жизни. Написанная книга — моя проба пера в жанре детектива. Представляя уже знакомого вам Илью Сергеева в новом амплуа, я руководствовался желанием испытать своего героя в новых обстоятельствах. Эта книга еще и вызов мне как автору. Смогу ли я сохранить образ героя и его черты, поместив в новые обстоятельства? А сможет ли мой герой остаться верным себе и своим принципам, пройдя через все испытания?

Ведь в новой истории ему предстоит бороться не с очевидным злом, а с загадками, ложью, чужими семейными тайнами. Разгадать, какую тьму скрывает в себе, как казалось, ясное прошлое близкого человека.

Приглашаю вас, дорогие читатели, насладиться результатами моего писательского труда. Надеюсь, что этот новый виток удивит вас и затянет в спираль событий уже с первых страниц.

*С уважением,
Ислям Капеев*

Глава 1

Предновогодние дни в последнее время я не любил. Да и как любить эту адскую кухню, в которой смешалось все: люди, машины, покупки, подарки. Вообще, у меня складывалось ощущение, что окружающие весь год не ели, не пили, не уделяли близким и коллегам должного внимания, а в последнюю неделю декабря во всех дружно разыграла совесть. Только этим можно было объяснить круговорот и суету, которая сейчас царила в одном из самых крупных торговых центров Михайловска.

Вспомнив свой летний отпуск, домик на острове, тишину, тяжело вздохнул. Я, молодой амбициозный юрист Илья Сергеев, с ловкостью белки, щелкающей орешки, решал все самые острые дела, ничего не боялся, а сегодня растерялся, как ребенок. Господи, да сколько же это может продолжаться?

За свое последнее дело я получил приличный гонорар и даже, сверх того, благодарность, которая сейчас не помешает.

Мы с супругой удачно выкупили квартиру по соседству, сделали внутренний проход и занялись капитальным ремонтом. Квартирка долго пустовала, потом там появились жильцы, меняющиеся с такой скоростью, что мы даже не успевали их запомнить. И сейчас, когда жилье было уже в собственности, дражайшая половинка заявила о своих планах на нее. Планы строила Виктория, а вот воплощать их предстояло мне. А с другой стороны, что не сделаешь ради любимой жены?

Именно поэтому сегодня я и оказался в переполненном торговом центре. Кое-что успел купить, кое о чем забыл. А потом вспомнил, что совсем не позаботился о подарках, поэтому заодно решил заскочить в табачную лавку за вишневыми сигарами для шефа и в чайную — за молочным улуном для коллег.

Правда, только сунувшись в продуктовый, я выскочил оттуда как ошпаренный: люди, увешанные немислимыми гирляндами из колбас, пакетов с овощами и фруктами, грузили в тележки вино-водочные изделия, сметая все на своем пути, двигаясь в каком-то трансовом ритме, изредка натыкаясь друг на друга и только тогда оживая. Я шумно выдохнул, решив, что продуктами озабочу службу доставки, а с меня хватит. В этот момент кто-то дотронулся до моего рукава:

— Илья?

Я обернулся и почувствовал, как впервые за эти дни искренняя улыбка сама собой начала прорезаться на унылом лице.

— Любаша?

Старшую сестру друга детства я не видел давненько — когда на острове мы с ним придумывали план по спасению его конного клуба и самих лошадей, Люба была в отъезде. Насколько я помню, она занималась туризмом, постоянно чему-то обучалась, проходила какие-то курсы и непременно с практикой в других городах и весях. Интересно, каким это ветром ее занесло в предновогодний Михайловск?

Перекинувшись дежурными фразами, мы решили осесть в небольшом ресторанчике на пятом этаже торгового центра, откуда открывался довольно-таки симпатичный вид на заснеженный город. Любаша, сделав один звонок, объяснила кому-то наше местоположение, и спустя пару минут я услышал прелестнейший девичий голосок.

— Я б навеки забыл кабаки

И стихи бы писать забросил.

Мне б зарплату тысяч пятьсот

Да и график — день через восемь, — с чувством продекламировала хрупкая блондинка с огромными глазами и, грациозно махнув рукой официанту, опустилась на мягкий стул.

— Мечтать не вредно, — улыбнулся я и отпил из высокого бокала холодное шампанское, которое тут же защекотало мне нос своими пузырьками.

— Илья, ну ты же так примерно и живешь, что скрывать-то? — легонько дотронулась до плеча Любаша, которая была в курсе тех моих дел, которые освещались в прессе.

Несмотря на то, что я довольно преуспевающий юрист, половина рабочих случаев приводили меня к более тесным отношениям, а клиенты переходили в разряд хороших знакомых, а то и близких приятелей. При этом я не был ограничен во времени. График работы я составлял обычно так, как было удобно мне, своя юридическая фирма — огромный плюс в жизни. Расценкам на мои услуги редко кто удивлялся, но в большинстве случаев еще порой платили и сверх этого. Так что я смутно себе представляю, как это — работать пять дней в неделю с восьми до пяти с перерывом на обед, а то и вовсе без него.

И действительно, со стороны, если не знать никаких подробностей, моя жизнь многим может показаться лакомым кусочком. Да что греха таить, я и сам так считаю, несмотря на все опасности и экстремальные ситуации, которые меня ждут практически каждый раз. Никогда не знаешь, куда тебя занесет судьба, где и как потребуется искать защиты для клиентов, поводов для оправдания или веских причин для того, чтобы подтвердить их правоту. Часто дела получались почти детективными. И я, где-то в глубине души, представлял себя если не Шерлоком Холмсом, то графом Авериным уж точно. Я сам выбрал дело своей жизни, как бы пафосно это ни звучало, и оно мне нравится.

— Я так смотрю, а расставаться со своими кровно нажитыми ты не особо собираешься? Судя по отсутствию покупок, — протянула Любаша и усмехнулась. Ее спутница тоже заулыбалась, а я силенка вспомнить, отчего ее лицо мне так знакомо. Девушка, видимо, считала мой взгляд и решила опередить меня своим вопросом:

— Илья, а ты меня совсем-совсем не помнишь?

Я удивился вопросу, но виду не подал, ответив прямо:

— Если честно, то не очень. Знаешь, вроде твой образ и вертится у меня в голове, но вот никак не припоминаю, откуда мы знакомы.

— Да это же Лика, Илья! Ну? — моя знакомая нетерпеливо заерзала на стуле. — Лика-клубника. Неужели это имя тебе ни о чем не говорит?

— Нет, Любаш, ни о чем. Ты знаешь, сколько Лик и Анжелик у меня в окружении, — на этих словах заметил, что блондинка слегка погрузтелла. — Правда, девчонки, не могу понять. Лика, ты правда меня извини, но я не помню тебя.

— Я дочка Олеси Раевской. Твои родители были частыми гостями в доме бабушки, а ты с ними приходил иногда. Правда, я тогда совсем несмышленишкой была. Но тебя с тех пор запомнила, — Лика улыбнулась и кокетливо поправила локон, упавший в ее довольно глубокое декольте.

В этот момент к нашему столику подошел официант, принес сырную нарезку с чашечкой меда посередине для всех и ароматное лобио для меня.

— Остальной заказ будет у вас на столике совсем скоро.

— Благодарю. Кстати, нам бы по винной карте еще немного дозаказать.

— Внимательно вас слушаю, чего желаете?

Я, подумав, отставил шипучку и все-таки заказал бокал коньяка, мои соседки — по второму бокалу розового шампанского.

— Сейчас все будет. Через пару минут принесу горячее, — улыбочивый паренек, принимая заказ, усердно делал вид, что ему совсем не интересно декольте Лики, хотя основательно туда скашивал взгляд. Мы, не сговариваясь, дружно рассмеялись, и он, слегка смутившись и извинившись, отправился быстрым шагом на кухню.

Мы разговаривали обо всем и ни о чем одновременно. И я в кои-то веки расслабился. Порой я выпадаю из обычной жизни и уже не могу точно сказать, когда я вот так просто сидел,

обсуждал что-то с друзьями или приятельницами, поддерживая беседу обо всем на свете, даже такие милые женские штучки навряд ли, какие же сережки лучше сейчас: пусеты или каффы. В этом вопросе, благодаря супруге, я был осведомлен очень хорошо.

— Я раньше покупала себе разные недорогие сережки, чтобы просто определиться и понять, что мне подходит и что нравится, а что — совсем не мой вариант, — облизнув крем от пирожного с ложечки, произнесла Люба.

— Мне кажется, что за каффы легко зацепиться волосам, или нет? — уточнил я. Зачастую именно так и происходило у Виктории, поэтому сейчас она отдала предпочтение золотым гвоздикам с небольшими бриллиантами — и просто, и скромно.

— Ты же их не каждый день будешь носить. А под конкретный случай можно сделать хвост или высокую прическу, — пояснила Люба.

— Это логично. А вот лично для меня пусеты неудобны из-за винтовой застежки, иногда просто лень ее закручивать. Хотя один раз надел — и на пару-тройку дней не снимая, — улыбнулась Лика.

Я посмотрел на ее аккуратные ушные мочки с затейливыми сережками, и мне внезапно в голову пришла мысль о том, что девушкам-детективам очень удобно скрыть что-то в украшениях. Например, под крупные бусины-пусеты можно отлично замаскировать снотворные таблетки или крохотные камеры видеозаписи, когда необходимо совершенно не привлекать к себе внимание. А вот каффы послужили бы классным оружием для ближнего боя, точнее, для схватки, когда либо силы не равны, либо совсем уж на исходе. Например, серьги в виде дракона или змеи с острым хвостом станут отличным предметом, чтоб ткнуть в глаз.

Кстати, не только глаза, но бедро тоже достаточно уязвимое место, и противник точно отвлечется на свою боль вместо того, чтобы добить соперника. Эх, слышала бы меня сейчас Виктория. Она точно не преминула бы вновь напомнить, что мне надо или расследовать какое-нибудь дельце, или детектив писать. Но вслух я, конечно, об этом говорить не стал. Лика же задала тон нашей беседе немного в ином русле, задав вполне логичный вопрос:

— А как вы относитесь к мужским сережкам?

— Пффф, — шумно выдохнула Люба, — они хоть что-то оставят нам женское? Я, конечно, спокойно отношусь, но изменения в этом мире, а в частности в мужской моде, очень меня пугают.

— Ну, мужские серьги — это явление старое, — улыбнулся я. — Если я не ошибаюсь, то у пиратов они точно были.

— Были, были. Ой, что я вспомнила, — Люба всплеснула руками и, чуть не задев свой бокал с шампанским, начала рассказ: — Владик, когда ему лет четырнадцать-пятнадцать было, захотел проколоть себе ухо. Мол, у него в компании все так ходят, талантливые музыканты — будущая богема — могут себе позволить.

— Ой, точно! Я помню! Как раз-таки «Будущая богема» и было названием их музыкальной группы, — вспомнил я. — Кстати, она живая?

— Частично. Трансформировалась просто в «Бо» и сократилась до трех человек.

— Не ожидал, если честно. Думал, что это так, юношеское баловство.

— Как видишь. Так вот, приходит домой наш Владик из барбершопа, с новой стрижкой, выбритыми висками и мелированием. Мы с отцом как стояли и хлопали глазами, так в кресло и рухнули, нам нужно было как раз в гости к деду на юбилей выезжать. Мы-то спокойно отнесемся к внешности любимого сыночка, а он вот как отреагирует?

— В обморок не упал?

— Да нет. Уточнил только — чем мы так его внука единственного напугали, что он посидел местами. А сынуля покрасовался перед всеми, а потом возьми да и заяви про то, что очень он хочет теперь серьгу в ухо.

— Представляю, какой крик был, — усмехнулся я, вспомнив Яночкина и его строгие нравы, — на весь остров, наверное?

— На удивление, нет. Дед наш помолчал-помолчал, а потом возьми да и ляпни: «Сережки носят только люди нетрадиционной ориентации или пираты. Сынок, конечно, прокалывай. Но не дай бог я утром под нашими окнами не увижу твоего корабля...»

Мы не сдержали смех. Я, к слову, вспомнил, что и казаки тоже носили серьги в ушах. Мою мысль подтвердила и Лика.

— А мы недавно с мамой были на экскурсии в Ростове-на-Дону, и там на улице одна скульптура как раз и была изображение казака с серьгой в левом ухе.

— Она по работе там была? — уточнила Любаша.

— Не совсем. Ездила смотреть галерею, где дедушка планирует открыть свою выставку.

— А в мессенджерах или по электронке нельзя было списаться? — почему-то возмутилась Люба, словно переводя разговор.

— Можно, только дедушка уперся, что ему все нужно видеть своими глазами. А везти его должна была непременно мама. Но, с другой стороны, я узнала, что дед-то у меня, оказывается, интересный человек. Он столько всего рассказал, пока мы по Ростову гуляли.

— Да ты что? Я думала, ваш дедушка совсем нелюдимый стал, — возразила Любаша. — Ты уж извини меня, Лика, за такое мое мнение.

— А за что извиняться. Вы не одна так думаете. Я-то в легком культурном шоке была, когда узнала, что дед, кроме красок и холстов, еще чем-то интересуется, да еще и так может рассказать, что я слушала раскрыв рот. И не только я. Пока он рассказывал, к нам половина улицы прислушивалась. Вот вы знали, например, почему, в принципе-то, серьга у статуи одна?

Мы удивленно и вопросительно посмотрели друг на друга, а потом и на нашу юную собеседницу, которая с воодушевлением продолжала.

— Одна серьга была на левом ухе служилого человека. Но что самое интересное, точно же так носил серьгу в ухе Пантелей Прокофьевич.

— Это кто такой? Новый заказчик деда? — спросила Любаша.

— Ты что? «Тихий Дон» в школе не читала? Это ж отец Григория Мелехова.

Любаша засмеялась.

— Все, старость не радость, последние знания с возрастом выветрились.

— А вот на картине Репина, где запорожцы письмо писали, серьги, наоборот, в правое ухо вставлены.

— Получается, у донских казаков мода отличалась от запорожских? — удивился я. Будет о чем сегодня вечером побеседовать с супругой. Она у меня любит всякие исторические интересные.

— Нет, конечно, дело не в моде, — Лика снова очаровательно улыбнулась, — серьга, по словам деда, это такой отличительный знак, по которому командир распределял перед боем своих воинов. И как раз серьга в левом ухе обозначала единственного в семье сына. Но, что важно, — не единственного ребенка.

— А серьга в правом ухе что обозначала?

— Последнего в роду мужчину, у которого не было по отцу ни двоюродных братьев, ни племянников, ни тем более сыновей. И получается, что две серьги обозначали единственного ребенка в семье.

— По идее, таких казаков командирам надо было как раз и беречь.

— Ну да. И, как сказал дед, только отчасти из жалости. А вообще из более прозаичных мотивов — в случае смерти в бою единственного казака-кормильца, его родителей должна была содержать община.

Я слушал молча, думая о том, что раньше все-таки было намного проще по каким-либо признакам определить, кто перед тобой. Посмотрел на человека, на его одежду, украшения,

транспортное средство, и сразу ясно, что это за человек, к какому роду принадлежит и даже что от него можно ожидать.

Люба обвела взглядом наш столик и предложила поднять бокалы.

— За нашу классную встречу! Хоть с сережками, хоть без! Все-таки здорово, что мы с Ликой отправились именно сюда.

— Жаль только, что мама не смогла выбраться.

— Леся? Она тоже собиралась? — удивился я. Родительницу Лики я знал давно. Мы не то чтобы приятельствовали, скорее — приходилось общаться, так как наши родители довольно тесно когда-то дружили. А разница в пятнадцать лет была довольно большой. Но, несмотря ни на что, нас с Лесей связывало что-то похожее на приятельские отношения. Когда-то она мне помогала разбираться с учебой, когда-то делилась нужными контактами или знакомила с теми, в чью компанию я в то время был не вхож.

— Сто лет ее не видел, — искренне удивился и обрадовался я. — Обычно же жизнь Леси подчинена строгому распорядку и даже кофе она пьет по графику. Я это прекрасно помню.

— Да, мама у меня такая, — согласилась Лика и подцепила вилкой кусочек сыра.

В этом мы с ней очень похожи. Она не делает перерывов и послаблений ни для себя, ни для своей команды. У Леси своя фирма логистики, которая занимается перевозкой различных грузов негабаритных форм и размеров. «Доставим все: от средиземноморской жемчужины до африканского слона» — такой вот яркий и говорящий слоган у компании.

Единственное, кому Леся позволяет все, — это ее семья. Точнее, даже не позволяет, а закрывает глаза на многие вещи, снабжая всех деньгами, выполняет желания. Для своей семьи Леся — добрая фея. По крайней мере, она таковой была несколько лет назад. Вряд ли что-то сейчас изменилось.

Насколько я помню, отец Леси — Виктор Павлович Раевский был довольно популярным художником в Михайловске, его выставки частенько проходили и за пределами родины. Раиса Аркадьевна — мать Леси — была преподавателем словесности в каком-то из михайловских университетов, писала стихи, печаталась в «Михайловском вестнике». Леся же отчего-то пошла не по творческим стопам родителей, а, выучившись на юриста, потом работала вместе со мной в довольно крупной компании. Спустя несколько лет вышла замуж, родила Лику, а потом вдруг я узнал, что она открыла свою фирму.

— У мамы просто здесь недалеко назначены две встречи, одна из которых отменилась буквально за пару минут. Я предлагала ей пойти с нами, но она сказала, что сначала решит пару вопросов, а потом...

— Потом никогда не настанет, — перебила Лику Люба. — У Олеси в голове одни цифры, деньги и бухгалтерия. Я уже и забыла, как это — просто так с ней сидеть и просто болтать, не о делах, не о заказах, а просто. Ни о чем. Вот как мы сейчас с вами.

— Любаша, ну не злись на маму, — Лика улыбнулась, — она же для нас старается.

— Конечно, отчего бы ей не стараться, — еще больше распалялась наша собеседница. — Сейчас дома у вас вообще никто не работает, одна твоя мама пашет как лошадь, не покладая рук.

В этот момент я невольно рассмеялся и хотел спросить, а откуда у лошади руки растут, но, увидев взгляд Любаши, погасил смешинку.

— Виктор, — с ударением на «о» произнесла Люба, — теперь у нас гениальный художник, который готовится к заграничной выставке, перед которой сначала будет ростовская, ему мешать нельзя, а то он мигом растеряет свое вдохновение. Он сейчас даже заказы на портреты брать перестал, мол, не царское это дело — малевать такую простоту.

— А Раиса Петровна? Она же вроде преподаватель? Помню, одно время она даже репетиторством неплохо зарабатывала, — уточнил я.

Люба с Ликой широко заулыбались и сказали чуть ли не в один голос:

— А Раисы Петровны нет.

Я ойкнул по-мальчишески и сильно смутился.

— Приношу свои соболезнования. Я ничего не слышал о ее кончине.

Мои собеседницы рассмеялись. А Лика мне пояснила эту ситуацию.

— Да нет, Илья, ты не понял. Бабушка жива и здорова и еще, кажется, переживет всех и вся. Она несколько лет назад решила сменить имя, потому что Раиса — это что-то простое и деревенское, особенно в сочетании с отчеством Петровна, а она у нас богемная барышня, руководитель поэтической студии и курсов словесности. Такое имя не подходит для этих занятий.

— О как! — не сдержал я возглас удивления. — И кто же она теперь?

— Ада.

— Однако! Была Рая, стала Ада. Интересное решение.

— Дедушка смеется, что и в доме сначала был рай, теперь стал ад. Бабушка запретила называть себя старым именем, запретила обращаться к ней «жена», «мама» и уж тем более «бабушка». Она Ада, а вообще полностью — Аделаида. И теперь у нас дома частенько собираются какие-то странные люди, читают вслух свои стихи, рассуждают о современной литературе, едят. И все это удовольствие, конечно, за мамин счет. Бабушке важно не ударить в грязь лицом и показать, что у нее настоящий литературный салон.

— Весело там у вас, я смотрю.

— Мама тоже смеется и говорит, мол, что старый, что малый. Бабушка всегда мечтала быть поэтессой, так пусть же играет, а деньги как пришли, так и ушли, так лучше пусть они создадут хорошее настроение в семье, — завершила свой рассказ Лика.

— Конечно, хорошее настроение за чужой счет особенно прекрасно, — Люба снова начала заводиться. — А вот Олеся без отдыха, без продыха.

— Кто это без отдыха? — послышался знакомый голос. Я обернулся — к нашему столику подошла Леся. Я не виделся с ней довольно давно и сейчас с трудом узнал. Вместо стройной эффектной девушки с шикарной шевелюрой до пояса я увидел абсолютно другого человека. Леся располнела, сделала ультракороткую стрижку и сменила привычные платья и каблучки на брючный костюм невзрачного цвета и кеды.

— Леся! — я, быстро скрыв свое недоумение от ее облика, радостно привстал из-за столика. Мы обнялись, расцеловались и посмотрели друг на друга.

— Сколько лет, сколько зим!

— Я ненадолго вас покину, — Лика встала из-за столика, — пойду носик попудрю. Кстати, мама, закажи у них кокосовый раф. Его здесь изумительно готовят.

Я поднял руку, привлекая внимание официанта к нашему столику — юноша в форме цвета какао заболтался с коллегой и к нам особо не спешил. После того как мы обменялись ничего не значащими фразами про здоровье и дела, Леся начала смотреть меню.

В этот момент мимо нашего столика кто-то прошел. Леся вдруг вскрикнула, подскочила — у ее ног разливалась огромная лужа и валялись осколки, от которых поднимался пар. Стоящий рядом мужчина буркнул что-то вроде извинения и чуть ли не бегом выскочил из зала ресторана. К нам подошли официант и уборщица, совсем еще юная девочка, которая затараторила:

— Не волнуйтесь, сейчас все уберем. Посуда бьется на счастье. Вы не обожглись? Леся помотала головой.

А я в недоумении спросил:

— И что это сейчас было?

— Мужчина заказал пуэр в чайнике и сказал, что он самостоятельно его хочет забрать к своему столику, — пояснил официант.

— А вы ему не могли принести? — удивилась Любаша.

— Да в том-то и дело, что могли, — было видно, что официант тоже злится.

— Но он уперся как баран, — высказалась напрямую уборщица и тут же получила тычок в бок от официанта. — Ой, простите, нельзя так о гостях.

— Мы ничего не слышали, — успокоил я девушку. — Так почему он сам-то хотел?

— Сказал, что знает нашу братию официантов, которые то и дело норовят плюнуть в чай. Поэтому он не доверяет никому. Заварить нужно было при нем и отдать ему в руки, — хмыкнул парень.

— Станный он какой-то.

— Вот и наша администратор так сказала. Но потом добавила, что всяких людей хватает, ну ничего страшного, пусть сам себе отнесет, раз уж ему так хочется.

— Ты как? — я посмотрел на старую знакомую.

— Да ничего страшного, — Леся уже оправилась от первого шока и теперь оценивала масштаб трагедии, как она выразилась сама. — У меня брюки широкие, они намокли, поэтому на ногу, к счастью, ничего не попало. Кроссовки только вот жалко. От горячей воды расклеился нос, я только обратила внимание.

— Что случилось? — к столику быстрым шагом подошла, точнее, почти подбежала Лика. — Мама?

— Все нормально со мной. Это просто неловкий человек уронил чайник.

— Мама! Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Анжелика, давай оставим эту ерунду. Простое совпадение.

— Совпадение? А вчерашнее увольнение водителя? А позавчерашние потерянные документы?

— Анжелика, это мои проблемы, моим друзьям не интересно о них знать, да и не нужно. Тем более что мы сто лет не виделись. А такое с каждым может случиться.

— Мама, да это точь-в-точь по твоему комиксу! Не понимаешь?

Глаза Леси становились круглее и круглее, в один момент они наполнились слезами, и моя знакомая, спрятав лицо в ладони, отчаянно зарыдала. Мы все бросились ее успокаивать, обнимать. А она проговорила:

— Илья, Люба, меня кто-то хочет убить.

Глава 2

Здесь точно что-то нечисто. Но как помочь во всем разобраться Олесе, я пока не представлял. По-хорошему, ей сейчас нужно просто выговориться, потому что невозможно в себе долго держать все, что копится. Ну не верю я в то, что человек может быть постоянно всем доволен и счастлив, быть со всеми приветливым, улыбочивым, никому не грубить, во всем достигать поставленной цели и никогда не снижать планку. Рано или поздно это приводит или к выгоранию, или к нервному срыву.

Поэтому когда все поняли, что настроения сидеть в ресторанчике нет от слова «совсем», то решили немного прогуляться. Леся к тому времени уже вытерла слезы, сходила умылась и попросила нас забыть о том, что она сейчас сказала.

— Наверное, я в последнее время пересмотрела детективов, вот и лезет в голову чушь всякая. Вы уж меня извините. Да и хлопот столько с папиной выставкой на меня свалилось, что, видимо, пошел перегруз. А я тут себе понапридумывала.

На все попытки дочери вернуться к ее словам Леся спокойно, но строго дала понять, что делать этого не собирается. Когда все решили разъезжаться по домам, мы обнялись со всеми по очереди, как в старые добрые времена, и я все-таки шепнул Лесе на прощание:

— Заезжай к нам в гости. В любое время. Вика такие рецепты новые пробует, ммм! Пальчики оближешь.

— Спасибо, Илюш, ты настоящий друг. Всегда знаешь, как меня утешить, не забыл о моих слабостях юности, — она грустно улыбнулась. — Как только время освободится, непременно загляну.

По знакомым улицам Михайловска я ехал медленно, все думая о сегодняшнем разговоре. На то, что кто-то хочет убить на самом деле Лесю, было как-то не похоже, но уж очень напоминало чью-то глупую и жестокую шутку. Киллеры вряд ли станут предупреждать о своих намерениях. Просто сделают дело и останутся в тени. А в этой истории замешан какой-то циничный человек, играющий на нервах.

Конечно, моя старая знакомая в открытую о помощи не просила, но хотелось бы мне разобраться с этим шутником. Может, кто из конкурентов? Так, чтобы сделать хоть какой-то здравый вывод, надо восстановить то, что она рассказала, до мельчайших деталей.

Что мы имеем? Лесе, по ее рассказам, через день в конверте приходил листок, вырванный из книги комиксов. И все бы ничего, если бы в роли главной героини там не выступала бы она сама. Сначала все начиналось вполне невинно. Леся даже с неким любопытством рассматривала эти листки, ожидая, что будет дальше.

А в один далеко не прекрасный день, взяв листок из почтового ящика, она чуть не заорала от ужаса: в комиксе была изображена она сама, стоящая на краю крыши огромного небоскреба. Причем стояла она спиной к улице, уже покачнувшись. Понятное дело, что несколько дней Леся провела на успокоительных, которые хоть как-то могли снизить ее тревогу. Она боялась подойти к почтовому ящику, потому что, по логике вещей, там должна быть картинка следующего содержания: она лежит на асфальте, превратившись в лепешку.

Но нет, такой картинки не оказалось. Просто с этого дня листы из комикса стали приходить с разнообразными вариантами именно такого смертельного содержания. Словно кто-то пропустил всю историю, а потом присылал лишь ее завершение с открытым финалом. Очень страшным и ясным финалом.

Леся стоит на барном стуле, ножки которого покачиваются, и сует голову в петлю.

Леся плывет в море, а в опасной близости — круизный лайнер.

Леся прыгает из вертолета, а парашюта за ее спиной нет.

Леся смотрит в окно с отсутствующим взглядом, а ее дом охвачен пожаром.

Почему сегодня Лика довольно нервно отреагировала на ситуацию с официантом и чаем, а Леся нам все рассказала про эти дурацкие комиксы? Да потому, что именно такая ситуация и была прорисована на одной из страниц, которые она недавно получила. Да, обвариться горячим чаем — это не смертельно, но больно. И вполне может вывести из строя любого человека, не только впечатлительную барышню.

Но что самое интересное — ситуация в комиксе происходила в том самом ресторанчике, где были сегодня мы. Но человека, опрокинувшего чайник, там не было. Складывалось ощущение, что он должен быть нарисован на соседней страничке. На страничке комикса был лишь сам чайник с отлетевшей крышечкой, перевернувшийся в воздухе, из которого поток кипятка, судя по хорошо прорисованному пару, льется над головой Леси. Все запечатлено в таком полете, как говорится, «за секунду до».

Пока я размышлял об этом, не заметил, как приехал в нужное мне место. Надо разгрузить голову и загрузить руки, а для этого хорошо бы присмотреться к сантехнике — ее в новой квартире решили поменять. И если с ванной Вика уже определилась — белая, акриловая, немного больше стандартного размера, то вот с унитазом возникла небольшая проблема.

Комната, где он должен стоять, была немного нестандартной формы — не квадратная или прямоугольная, как во всех квартирах обычных людей, а треугольная. Почему так — мне было непонятно. Ощущение, что предыдущие хозяева, решив, что их ванная комната занимает в квартире слишком большую площадь, подумали и ополовинили ее, а точнее, «откусили» треть. Но не просто «откусили», а отрезали, как ломтик торта.

Унитаз там находился ровно посередине, и когда я впервые туда зашел, то у меня сложилось впечатление, что тот, кто будет делать свои дела, как минимум будет чувствовать себя царем, восседающим на троне. А вдобавок ко всему стены в туалетной комнате были отделаны ярко-красной плиткой и почему-то на некоторых пластинах были изображены бокалы с алкогольными коктейлями, а рядом — рецепт. Странно, конечно, но я вряд ли бы пошел готовить их именно сюда, уж лучше бы тогда детально прописал последствия от их приема. Поэтому неудивительно, что решение все здесь поменять было нами принято с молниеносной скоростью.

Помогать воплощать в жизнь планы супруги по обустройству совместного быта было довольно приятным для меня делом. Когда доставляешь радость дорогому для тебя человеку, и самому на душе как-то теплее, что ли, становится. Поэтому сейчас я, наплевав на свое отношение к предновогдию, рискнул свернуть с намеченного пути и доехать до крайнего района Михайловска, который славился своим строительным гипермаркетом. Уж там точно сегодня никаких очередей быть не должно.

Я зашел в «Строй сам», который открылся всего лишь пару лет назад в Михайловске, но уже успел обрести популярность у местных жителей. Руководство магазина довольно креативно подходило к его работе: устраивали прикольные акции, делали не только черную пятницу, но и розовый понедельник — время, когда можно было найти на любой единице товара розовый ценник с чуть ли не девяностопроцентной скидкой, ну и так далее.

Сегодня, зайдя внутрь, я сразу обратил внимание на надпись, которая украшала входную зону. Когда присмотрелся, то понял, что она не одна. На первом баннере был изображен унитаз, вид сверху и надпись «Толчок в будущее». На втором унитаза были выстроены в некий клин, как старинное войско, а сверху надпись в два слова, расположенные одно под другим со знаком переноса. Слова эти, словно выпавшие из старой кавээновской шутки, очень легко трансформировались в одно: нас — рать. А ниже мелким шрифтом, который с первого раза и не прочитаешь, была подпись — «выбери своего верного друга в борьбе с диареей».

Хмыкнув и немного скривившись от такого грубоватого и прямолинейного рекламного хода креативных маркетологов, я преспокойно нашел нужный мне отдел и был очень удивлен, когда обнаружил там толпу. Наверное, именно такая очередь стояла за колбасой во времена

молодости моих родителей, о которых они любят периодически вспоминать с блаженной улыбкой. Я ничего не понял и стал пробираться чуть медленнее, стараясь никого не задеть.

— А что здесь происходит? — решил все-таки уточнить, притормозив щуплого мальчика-консультанта в круглых, как у Гарри Поттера, очках.

— Скидки на сантехнику «Раут». В связи с санкциями этот товар больше не будет поступать на полки наших магазинов, поэтому было принято решение выставить в торговый зал все имеющиеся экземпляры и сделать на них дополнительную скидку. Но что-то пошло не так, — с этими словами кудрявый парнишка в голубой футболке с эмблемой магазина на груди и надписью «консультант» на спине быстро куда-то юркнул и исчез.

— Ну то, что что-то пошло не так, ясно сразу, — раздался прямо над моим ухом старческий скрипучий голос. — Кто ж так делает?

Я повернулся и обнаружил рядом с собой высокого и очень худого человека в коричневом костюме. Он походил на живую ветку дерева, выпавшую из какого-то триллера или хоррора. Лицо его напоминало некую маску, рот и глаза были маленькими и просто буравили меня.

— Все так делают, — ответил я ему. — Акции предусмотрены во многих магазинах. Не говорите, что вас это не радует.

— Не радует. Совсем не радует. Надо было отправить сообщение постоянным клиентам, а не орать на весь магазин о скидках и не развешивать по городу эти плакаты, чтоб каждая собака знала, где купить унитаза.

— А разве собаке нужен унитаз? — я непонятно зачем ввязался в какой-то странный спор.

— А то! Ты глянь, — он довольно больно цапанул меня за локоть, — только глянь, сколько их понабежало сюда, точно собачья свора.

После этих слов я окончательно убедился в неадекватности поведения своего собеседника и, выдернув руку, ужом ввинтился в толпу. В тот момент, когда я оказался у предмета интерьера, так вдруг срочно понадобившегося всем именно в этот день, в голове промелькнула мысль: «Ну не все же в городе делают ремонт, а брать унитазы про запас точно никто не готов, значит, все в порядке, люди просто присматриваются».

— Молодой человек, а вы куда? — остановила меня корпулентная дама в пронзительно-салатовом платье, расшитом на груди стразами.

— Туда же, куда и вы, — за унитазом.

— Знаете что? За унитазом он! Значит, мы тут за тележками на парковке очередь отстояли два часа, а наши знакомые, которые пришли чуть позже, — вообще все четыре, а он тут здравствует, за унитазом пришел!

— Да мне и не нужна тележка, я пока присмотреться хочу, — спокойно ответил я.

— Конечно, так мы тебе и поверили! Да, люди? — она раскинула руки и обвела всех вызывающим взглядом. — Посмотрите на него!

— Тележек нет. Все огрызаются. Дурдом, — сказал довольно интеллигентный мужчина слева от меня.

— Люди ходят с этими тележками туда-сюда, никому не отдают, вывозят все! Вот она какая — человеческая жадность, — поддержал его сосед.

А дама в салатом все продолжала возмущаться, распаляясь все больше. В этот момент рядом с унитазами появился тот самый паренек-консультант и ловким движением сразу на десяток унитазов наклеил розовые стикеры с надписью «продано».

— Как продано? — по толпе пронесся возмущенный гул.

— Это интернет-заказ, сделанный на сайте нашего магазина.

После этих слов женщина в салатом ломанулась вперед и села со всего маху на ближайший свободный унитаз с воплями:

— Не отдам! Не отдам! Я его присмотрела! Я очередь за тележкой четыре часа выстояла! Я целый час тут стою! Продано? А вот это видали? — она скрутила фиги и начала размахивать руками.

Видимо, ее боевое настроение передалось и всем остальным, люди начали садиться на унитазы, отпихивать друг друга. Кто-то уже успел зарядить кулаком кому-то в глаз, слышались вопли, крики, нецензурная брань. Да уж, попал я так попал! Присмотрел унитаз, называется. В этот момент я ощутил резкий толчок и невольно дернулся в сторону, кого-то задев при этом. Повернув голову, я увидел, что это тот самый мужчина-ветка. Его лицо сейчас искажила такая гримаса, что мне почудилось — вот-вот у него вылезут вампирские клыки и он кинется на меня.

— Ах ты ж, дрянь! — прошипел он. — Мой унитаз решил увести? Так не бывать этому.

Я ушел от замаха, как учил мой тренер, чем еще больше разозлил странного человека. Вокруг меня царил полный хаос, неразбериха. Прибежавшие консультанты и охранники, конечно, пытались оттащить людей друг от друга, но ничего из этого не выходило. Поняв, что в толпе делать абсолютно нечего, я кое-как вывинтился из нее и, дернув за рукав ближайшего охранника, проорал ему на ухо:

— Где у вас включается пожарная сигнализация?

— А зачем?

— Сделайте так, чтоб она сработала — польется вода с потолка, зазвучит громкая сирена, так можно будет растащить толпу.

— О, парень, спасибо тебе за мысль, сейчас сообразим. Тут дурдом полный. У нас каждый раз что-то происходит. Еще ни одной распродажи не было нормальной. Хотя я тут и работаю недавно, но все понял.

— Так, ты пока все понимаешь, давай двигайся, — поторопил я его.

— Так еще бы знать, куда именно.

Еще минут десять мы рыскали в поисках нужного нам отдела. А потом охранник не придумал ничего лучше, как зажечь сигарету и поднести поближе к потолку. Я, конечно, скептически отнесся к этой затее — сработать-то, может, и сработает сигнализация, но вот только явно не там, где нужно.

Охранник, видимо, прочитав сомнения на моем лице, пояснил:

— У нас особая система, срабатывает сразу вся. Смотрите, что сейчас будет.

Глава 3

Убедившись, что в магазине все нормально, никто не проломил никому голову унитазом, и радуясь тому, что все закончилось более-менее благополучно, вышел на парковку, быстро отыскал своего верного коняшку и отправился домой. Хотелось есть и спать. А мысли в моей голове снова заняла Леся и ее ситуация с таинственными посланиями. Смертельный комикс какой-то получается. Да уж, дела!

Припарковавшись на своем месте, поднялся в квартиру и, едва открыв ее, почувствовал просто неземной аромат. Так, значит, Виктория готовит что-то новенькое и непременно очень вкусное. Я обнял ее, чмокнул в щеку и отправился в ванную. От воды мне всегда легче, она спасает от эмоционального перегруза, унося всю грязь с собой. Не только физическую, но и моральную. А ее сегодня было предостаточно.

Пока я отмокал в ванной, время замедлило свой бег, я расслабился и совсем не хотел выходить из ароматной воды. Эх, махнуть бы сейчас куда-нибудь к морю, а может, вообще к океану... Точно бы не вылезал оттуда ни днем ни ночью. Надо намекнуть на такой отдых супруге. Может, встретим Новый год где-нибудь под теплым солнцем?

Где-то полчаса я строил великолепные планы, но, вовремя вспомнив про предстоящий ужин, решил, что хватит предаваться мечтаниям. В этот момент мой живот, громко заурчав, дал о себе знать. Я закутался в махровое полотенце с капюшоном, сунул ноги в уютные мягкие тапки, ощущая себя немного отдохнувшим. Вечер, вкусный ужин, а потом и «Письма Плиния» — книга римского адвоката и общественного деятеля аж первого века, красота! Что может быть лучше?

Но вот именно сейчас, когда густые декабрьские сумерки стали спускаться на душный город, раздался звонок домофона. А через несколько минут хлопнула входная дверь, послышался невнятный разговор, видимо, обмен любезностями. Я натянул домашний костюм — не появляться же перед гостями, даже незванными, в халате — и вошел на кухню.

— Проходи, проходи, Леся, не стесняйся, — Виктория вытерла руки о край льняного полосатого фартука и отступила в сторону.

— Ой, дорогая, а что это ты так странно выглядишь?

Моя супруга осмотрелась, стряхнула с рук невидимые крошки и, усмехнувшись, сказала:

— Второй месяц ремонта у нас. Я уже тут котлеты шпателем переворачиваю, а на строительный миксер поглядываю — хорошо будет им теста ведерко на бисквиты взбить. Это ж какой торт можно испечь.

— Любимая, притормози, — улыбнулся я. — Мы скоро перепутаем уже и приборы, и посуду.

— Главное клей с соусом не перепутать, а строительный гипс — с рисовой мукой, — немного натянуто рассмеялась Леся. — Как я вас понимаю. Ремонт хуже пожара. Хотя, что говорить, в свое время у нас сначала пожар был, потом переезд, а потом еще и ремонт сверху. Как вспомню, так вздрогну!

— А чтобы не вздрагивать, пойдете-ка лучше чайку попьем. А то стоим в коридоре как неродные, разговоры разговариваем. А я как раз сейчас из духовки буду луковый пирог доставать, — с этими словами Виктория приобняла нежданную гостью за плечи, обернулась, подмигнув мне, и пошла в сторону кухни.

Когда я приехал, то в двух словах обрисовал ситуацию Леси, которая Вике тоже не понравилась. А так как она большая любительница детективных историй, то тут же начала выдвигать свои версии происходящего. Но в это время луковый пирог уже стоял в духовке, а я на пороге ванной, так что свои размышления моей дражайшей половине пришлось прервать. Но появление Леси она предсказала. Мол, не может человек так долго в себе носить всё. На мое

возражение, что она сама же отказалась от помощи и потом долго отнекивалась и просила не брать в голову, Виктория улыбнулась и сказала, что такая вот простая женская логика. Если Олеся и захочет что-то рассказать, то сделает этот тет-а-тет, а не при всей честной компании.

Что ж, чуйке супруги можно только позавидовать. А может, она просто очень хорошо знает Олеся? Когда-то на заре юности, еще только начав встречаться с Викторией, я рассказал о ней Олеся. Та, внимательно выслушав, сказала, что, по моим рассказам, эта барышня ей нравится, но есть у нее на примете и другая особа, с которой она хотела бы меня познакомить. Мол, с ней у меня точно может все срастись. Я долго отнекивался. Олеся же решила пойти ва-банк и однажды под предлогом срочного разговора затащила меня в кофейню, где за столиком нас ожидала девушка. И каково же было наше удивление и взаимная радость, когда мы с Викой увидели друг друга.

Оказалась, что они с Олесей очень дальние родственницы, седьмая вода на киселе, но, несмотря на это, хорошо приятельствуют. Олеся работала сразу по двум фронтам, решив познакомить двух дорогих ей людей, соединив их судьбы в одну. Виктории она рассказывала про прекрасного и галантного молодого человека и пыталась ее отвлечь от нового кавалера, которому Вика пела дифирамбы. Мне нахваливала Викторию. Но ни она, ни я никак на сообщения Леси не реагировали, уже определившись со своим выбором. И вот она, недовольная нашим игнором, решила поступить по-своему. Но судьба есть судьба.

С тех пор Леся желанный гость в нашем доме. Правда, сколько мы ее ни приглашали, кроме новоселья, она у нас не была. Да оно и понятно — руководство фирмой и организация бытовых вопросов отнимают много сил и времени. Какие уж тут походы по гостям!

— Вика, солнце мое, ты меня, конечно, извини, но я как-то не сторонница вот таких кулинарных извращений, то есть экспериментов, — донесся голос Олеси из кухни, — луковый пирог со сладким чаем в моей голове как-то ну совсем вот не совмещаются.

— Это потому, что ты еще его не видела. А сейчас, как запах почувствуешь, да как откусишь чуток, да на кончике языка удержишь, ммм... За уши не оттянешь! — проворковала Виктория.

— Умеешь ты, мадам, соблазнять! Я готова попробовать!

Пока мы пили чай, Леся и Вика перебрали множество тем для разговора, истинно по-женски, перескакивая с одной на другую. В итоге вернулись к тому, с чего и начали — с нашего ремонта и представлений о нем.

Я смотрел на старую знакомую, с которой мы встречались утром, и понимал, что ее что-то очень тревожит. Она нервничает, вот и болтает обо всем подряд, стараясь оттянуть время. Видно, очень сложно и больно подобраться к тому, с чем она пришла к нам. Может, хочет о чем-то чисто по-женски посоветоваться с Викторией? Все-таки ее пугают внезапные послания и она опасается за свою жизнь? Я задумчивым взглядом просканировал Леся. Она это, кажется, отметила, потому что встрепенулась и затараторила с удвоенной силой:

— Ой, что сейчас вам расскажу! Вы знаете, у нас такая странная история не так давно произошла. Я поначалу вообще испугалась и думала, что Алексей мой с ума сходит. А потом привыкла как-то, даже себе Александра Николаевича завела.

— Что? — в один голос воскликнули мы с Викой, и наши взгляды буквально столкнулись у нее на лице.

А я тут же подумал о том, что, может, автор комиксов, тот самый Александр Николаевич, — незадачливый любовник Олеси? Но как она могла? Она же так любит мужа и свою семью, что даже и не посмотрит ни в чью сторону.

— Ой, дорогие мои, — рассмеялась Леся, считывая недоумение в наших взглядах, — сейчас расскажу поподробнее. Обсмеетесь. Хотя мне поначалу не то чтобы смешно — страшно было.

Леся откусила крохотную часть от ломтика лукового пирога, сделала очередной глоток травяного чая и с наслаждением вытянула ноги в пушистых тапочках. Прикрыла глаза, зевнула и начала обстоятельный рассказ о первых годах своего замужества. О том, что новоиспеченный супруг, похоже, оказался болен на всю голову, Леся задумалась буквально в медовый месяц.

— В принципе, об этом изначально свидетельствует уже тот факт, что он решился жениться на мне и остаться, согласно воле моего отца, жить в нашем доме. Вместе со всеми моими домочадцами.

— Да, это рискованно надо быть человеком, — усмехнулась моя супруга, подливая нашей гостье еще чая и двигая к ней тарелку с крохотными тарталетками. — Ну или просто очень сильно тебя любить. Ты, конечно, меня извини, но даже я с твоим семейством не выдерживаю больше пары часов. А уж жить постоянно...

Леся рассмеялась, подтвердив мысли Вики, ничуть на нее не обидевшись, и начала обстоятельный рассказ, по мере которого наши лица вытягивались от удивления.

У Леши с каждым годом брака обнаруживалось просто какое-то невероятное количество тараканов, прочно поселившихся у него в голове. И складывалось такое ощущение, что со временем они начали даже распространяться таким невидимым воздушно-капельным путем на родных, друзей и знакомых. А также и на саму Лесю. Одним из новоявленных тараканов, или бзиков, как называет такие выходки папа Вики, является очень странная манера давать человеческие имена практически всем неодушевленным предметам.

— Положа руку на сердце, признаюсь, что, конечно, не всем, а лишь самым достойным. И понимаете, он не просто их называет как домашних животных, например, или детей, так он с ними еще и разговаривает. Представляете?

— Ну с кем не бывает. Леся, ты б присмотрелась, что супруг твой употребляет. Может, не то, какой коньячок в чай-то добавляет? Или дозировку превышает? — рассмеялась моя жена.

Леся уточнила, что муж не любитель спиртного. Он больше кофе уважает, сам пробует его варить, знает обо всех новинках, но, что самое интересное, любой кофе дома он пьет только из любимого бокала.

— У всех есть любимая посуда. Я не исключение.

— И у меня тоже. Стоит чашечка, ей уже полвека, наверное, вот та, с земляничками, — Вика указала на полку возле плиты. — Я только из нее по утрам пью чай. Земляничное утро у меня. Но это только летом. А осенью я достаю кружку-тыкву. Мне ее Илюша из Англии привез. А зимой другой бокальчик у меня — синий, с толстыми стенками. А как кипятки в него наливаешь — он светлеть начинает и по бокам снежинки появляются. Красота. Так что это вполне нормально — иметь любимый бокал. Этого таракана и тараканом назвать сложно.

— Отлично. Солнце мое, а как зовут твои чайные чашки?

— В смысле? Я даже и не знаю, из какого они сервиза. Вот раньше популярная «Мадонна» была или дулевская «Красавица». А моя земляничная из какого-то простого сервиза. Так что это просто земляничная чашка.

— А вот у Леши на любимом бокале нарисован жираф. Жирафа зовут Афанасий. И, соответственно, бокал тоже получил это имя.

— А почему Афанасий-то?

— Я тоже этим вопросом задалась и у Леши спросила то же самое. А он посмотрел на меня так внимательно, подумал, а потом удивленно вопросом на вопрос ответил: мол, а как еще?

— Действительно, никак, — рассмеялся я. — Интересный он у тебя человек.

— Побыли бы вы у нас дома, еще бы не так сказали. Каждое утро Леша достает Афанасия со своей отдельной полки, где он ночью отдыхал на кружевной салфетке, гладит ему бок и говорит:

— Ну, брат мой Афанасий, по кофейку? Какой сегодня хочешь? Американо? Капучино? Латте? Али вовсе моккачино?

А после семейного ужина еще одна традиция. Леша с Афанасием пьют травяной чай, и муж мой жалуется Афанасию на меня, на домашних, на Лику, на поставщиков кофе, на конкурентов в бизнесе. А когда я начинаю здраво рассуждать и говорить, что можно, в принципе, заняться тем, что нравится, но при этом выйти на нормальную работу, Леша отворачивается от меня и громко, с чувством, с толком и с расстановкой говорит, наглаживая бок жирафу: «Ну вот ты видишь, брат Афанасий, с кем мне приходится здесь куковать, коротать свой мужицкий век? Цени, Афанасий, одиночество, никогда не заводи глупую жирафику».

А я сижу и не знаю, как на это реагировать. С одной стороны, мне за глупую жирафику до слез обидно, а с другой — смешно. И как тут быть-то?

Мы успокоили Лесю, сказав, что это такой вариант мужской рефлексии и нежелания выяснять отношения в открытую, а то вдруг дело и до скандала дойдет? Леся сказала, что могла бы с нами согласиться, если бы не один момент.

Из дальнейшего рассказа стало понятно, что проблема куда глубже, чем мы подозревали. На даче у Леси проживает болгарка по имени Галина. Болгарка — не в смысле жительница страны Болгарии, а в смысле инструмент для резки металла. Сначала Леша назвал ее Маргарита, потому что считал, что у болгарки непременно должно быть болгарское имя. Однако, познакомившись с характером болгарки, он понял, что она Галина.

Когда Лешу накрывает хозяйственное вдохновение, он решает что-то эдакое полезное сделать на дачном участке. Леша достает болгарку из сарая, снимает со своего места и вопрошает: «Галина, а не побезумствовать ли нам? Эх, сколько мы зарезали, сколько перерезали...» А потом, напевая эти строчки, так как остальной текст бандитской песни ему неизвестен, Леша что-то пилит, режет, в общем — занимается общественно полезным трудом.

— Безумствуют они по полной программе, — говорила Леся, откусывая пирог. — А когда набезумствуются, то Леша относит болгарку в сарай, снова укладывает на свою полку и говорит ей так нежно и ласково: «Сладких снов тебе, Галочка». Он мне такого сто лет уже не говорит. Буркнет вечером: «Не вертись и свет выключай побыстрее, я спать хочу». Вот и все нежности.

— Да, уж веселая у тебя семейная жизнь.

— Веселее некуда. Так сейчас вообще удивитесь. И меня в сумасшедшие запишите, — Леся стала серьезной, строго посмотрела на нас, а потом рассмеялась. — Вот уж точно говорят — два сапога пара.

— Ага, или другое выражение есть, мол, муж и жена — одна сатана, — усмехнулся я. — Что там с тобой произошло? Тоже стала резкой по металлу заниматься? Или купила бокал с жирафихой Даздрапермой какой-нибудь?

— Нет, у нас дома живет Александр Николаевич.

Я удивленно поднял брови и отставил бокал с чаем. Леся правильно прочитала мой взгляд и радостно закивала:

— Да-да, и Александр Николаевич — это... шкаф! Вот так уважительно, по имени-отчеству, да.

Мы с супругой только хлопали глазами и пытались не уронить челюсть от такого рассказа.

— Вышло так, что когда после пожара мы переехали в новый дом, то в супружескую спальню первым делом заказали шкаф. Не знаю, почему не кровать, не спрашивайте меня об этом. Но что самое интересное, собирал нам этот шкаф сборщик, которого звали Александр Николаевич.

Конечно, этот факт немного бросает тень позора на моего мужа. Любой мужчина по умолчанию вроде умеет и собрать мебель, и починить ее. Но на самом деле этому случаю тоже есть свое объяснение.

Всю мебель в новом доме после переезда Леша собирал сам. Даже где-то что-то улучшал, распределял, чтоб было как лучше, устанавливал все. Он и этот шкаф собрал бы как миленький, но получилось так, что в день доставки Леша был в отъезде, вернуться собирался только через недельку, поехал за какими-то особыми балясинами для крыльца, которые существуют только в единственном экземпляре на фабрике в богом забытом городке где-то на краю земли.

Леся категорически отказалась жить еще неделю посреди немыслимого хаоса и огромного количества досок, коробок, полок. Да и к тому же чисто по-женски ей уже хотелось навести уют хотя бы в отдельно взятом семейном гнездышке — супружеской спальне. Не терпелось поскорей развесить всю одежду на вешалки, разложить все по полочкам. Поэтому понятно, что дожидаться супруга Леся не стала и пригласила сборщика мебели, которого нашла по объявлению. Но потом сто раз об этом пожалела.

— Сборщик Александр Николаевич, собираясь на халтурку, как он называет такие выездные подработки, похоже, принял одеколонную ванну. Причем очень редким одеколоном, который был популярен, наверное, во времена молодости наших родителей, — уточнила Леся и сморщила носик.

— Что, как вспомнишь, так вздрогнешь? — уточнила Вика, посмеиваясь.

— Ага, все верно. В общем, этот одеколон был из той линейки, в которой были марки «Хвойный лес», «Русское поле», «Шипр», «Юность Максима». И понятное дело, что этим невероятным ароматом, — Леся опять поморщилась, словно учуяла этот запах вновь, — провоняла не то что наша спальня, а, как мне казалось, просто весь дом. Я спасалась от амбре Александра Николаевича на террасе и балконе.

Из дальнейшего рассказа Леся следовало, что работал Александр Николаевич сосредоточенно, неторопливо. Как и положено настоящему мастеру — с чувством, с толком, с расстановкой, а также с пятью перерывами на чаепитие. И очень удивлялся, почему хозяйка дома не составляет ему компанию за столом. Понятное дело, что Леся просто не могла пить чай, воняющий одеколоном.

Профессионал Александр Николаевич, как было сказано в объявлении, будучи сборщиком с золотыми руками, собирал шкаф с девяти часов утра до десяти часов вечера. Леша, по словам Леся, за такое время мог бы легко построить симпатичный дом и в придачу сварганить парочку уютных беседок, а может, еще и баньку во дворе.

Наконец-то шкаф был собран, но вещи Леся так и остались лежать в коробках, не познав красоты и удобства вешалок, потому что целую неделю до приезда супруга Леся проветривала не только супружескую спальню, но и весь дом в целом, и сам шкаф в частности от аромата Александра Николаевича. Нашей гостье в то время было стыдно даже выйти на улицу или зайти в ближайший магазинчик, потому что ей казалось, что от нее просто остается шлейф этого убойного дешевого одеколона, невесть каким образом просочившегося из прошлого времени в наше.

Когда Алексей приехал, то в доме уже была вполне пристойная атмосфера, шкаф сиял полированными ручками и радовал ровными дверками, отлично вписываясь в спальню. Леша радостно подскочил к мебельной обновке, счастливо воскликнул: «О, шкаф!» — а после замер как истукан, распахнув его дверцы.

Несколько минут он приходил в себя от нахлынувшего на него амбре, а потом, повернувшись как робот, спросил супругу:

— Эmmm... Это что было?

— Это Александр Николаевич, — ответила Леся спокойно, так как все эмоции уже были исчерпаны за время общения со сборщиком.

За это время Леся пыталась убрать следы присутствия Александра Николаевича. Убрала в мусорное ведро целлофановую упаковку от различных частей шкафа, протерла не только стол, но и стул на кухне, где полюбили чаевничать «золотым рукам». Вытерла несколько раз

пол, пропылесосила и протерла влажной тряпкой тот диван, на котором уже успел он посидеть. Вот только с котом, которого гладил мастер, Леся никак не придумала, что можно было бы сделать.

— Александр Николаевич остался с вами. И стал третьим лишним?

— Да, после этого мы еще неделю проветривали дом каждый день, швабру выбросили, кота помыли. Мало, конечно, что помогает, но стало легче, по сравнению с первыми тремя днями, когда сам мастер физически присутствовал.

— Леша тебе не предложил продать дом вместе с мебелью? Потому что кажется, что сборщик просто переехал жить к вам навсегда.

— Это у меня была такая мысль. Но, понятное дело, свежестроенный дом сразу не продашь. Я успокоилась спустя какое-то время, а наш шкаф получил свое имя, а сборщик Александр Николаевич, сам того не ведая, стал его крестным и, соответственно, нашим кумом, стало быть. И теперь супруг, собираясь на какое-нибудь важное мероприятие, всегда советуется со шкафом, что ему надеть.

— Спрашивает, мол, Александр Николаевич, что насчет черной рубашки? — рассмеялся я.

— Один в один. Или просто у него уточняет в подобном духе. А не одолжите ли галстук на вечерок, Александр Николаевич?

— А еще можно вешать костюм и обязательно дать наказ, приговаривая: Александр Николаевич, храни его, как свою честь, — добавила Виктория, и мы все дружно рассмеялись.

Леся рассказала, что еще у них есть журнальный столик Степан, с именем которого было все очень просто. Его купили в разобранном виде, а дома выяснилось, что инструкция по сборке написана только на английском и китайском языках, а вот про русский изготовители как-то подзабыли.

От Леси Леша сперва потребовал прочитать китайский вариант, а когда она не смогла этого сделать, то минут десять возмущался, что женился на какой-то безграмотной, которая даже китайского не знает. После чего смиловился и разрешил прочитать инструкцию по-английски.

А Леся и по-английски, в общем, не лучше, но еще что-то как-то сумела из себя выдавить. В инструкции было написано «step one». А в произношении Леси это прозвучало как простое русское имя. В общем, так журнальный столик и стал Степаном. За это Леша расцеловал Лесю в обе щеки и даже закружил по комнате, а потом, наведя умную камеру, сделал онлайн перевод и собрал столик из частей в единое целое.

Когда Леся ищет какую-либо платежку, блокнот или какой-нибудь журнальчик, то супруг, не поднимая головы и не отрываясь от очередной затеи и полезного, по его мнению, занятия, говорит: «Ой, я не знаю где. Ты лучше спроси у Степана».

— Но знаете, эта именная инфекция носит какой-то просто вирусный характер.

— А в чем это проявляется?

— У папы в комнате теперь есть телевизор Филипп.

— Дай-ка угадаю — предположил я, — это потому, что фирма «Филипс»?

— Верно. А вот как ты думаешь, почему он вслед за Лешей взял да и окрестил холодильник Анатолием?

— Теряюсь в догадках.

— Оказывается, потому, что в нем всегда напихано всякого-всякого, как в карманах жилетки Вассермана.

— Однако, интересная параллель. Вот так с первого раза и не догадаешься.

— А когда нам доставили посудомоечную машину, распаковали, установили, то мама, которая в этот момент оказалась на кухне, восторженно всплеснула руками и воскликнула:

«Красивая, как Мирей Матье!» Так что теперь посудомойка у нас Мируша. А еще у моей мамы есть чайная ложечка по имени Изольда.

— Интересное имя. А почему именно Изольда? С чем это связано?

— Я так и не знаю, почему именно Изольда. Когда я попыталась это выяснить, мама посмотрела на меня, как на умалишенную, — Леся махнула рукой, — хотя, впрочем, она всегда на меня так смотрит, — а потом возмущенно сказала, что более глупого вопроса в жизни не слышала, потому что тут каждому дураку понятно, почему ложечку так зовут.

— Значит, ты точно не дурочка, — успокоил ее я.

— Разве дурочка смогла бы заработать такое состояние? — уточнила Виктория. На что Леся отреагировала, слегка погрузнев и задав свой вопрос, ради которого она, собственно, как потом выяснилось, и пришла.

— Вика, а как ты думаешь, почему я ушла в работу с головой?

— Чтоб поменьше встречаться с любимой семьей?

— Ну почти. Ты знаешь, может, так и нельзя говорить, но я от них порой так жутко устаю. Просыпаюсь в тишине и думаю: «Хоть бы их никого не было! Хоть бы они все исчезли!» А потом сама себя одергиваю, мне так страшно становится, какая же я все-таки гадкая. И я начинаю работать еще усерднее, чтоб искупить свою вину перед ними за такие мысли и купить каждому то, чего ему не хватает для счастья.

— Папе очередные краски по немыслимой цене, созданные по старинной технологии из какого-нибудь моллюска?

— Почти. Вы, наверное, догадываетесь, — прожевав пирог, сказала Леся, — что в настоящее время практически все именитые коммерческие художники, к которым относит себя и папа, очень беспокоятся о своей репутации.

— Если логически мыслить, то поэтому они используют только профессиональные краски, которые стоят как космический корабль? — уточнил я.

— Все верно. И, кстати, краски для живописи российского производства к ним не относятся.

— Понятное дело. Сергей все покупает за границей?

— Да. Но раньше папа покупал сам, когда посещал ту или иную страну. А сейчас очень удобно — много маркетплейсов, где товаров на любой вкус и цвет. Максимально быстрая доставка. А если хочется чего-то эксклюзивного, то и это достижимо — на сайтах и в соцсетях столько мастеров своего дела! Они и кисти изготавливают чуть ли не из ворсинок, взятых с хвоста снежного барса, и краски готовят по старинным рецептам: то перемалывают особые камни, то вытяжки из моллюсков, а то и еще что-то покруче. Я до сих пор в этом не совсем разбираюсь.

— Разберешься, какие твои годы, — Вика успокоительно погладила гостью по плечу. — Кушай, Лесенька, кушай. Искусство, может быть, от тебя и далеко, а вот мои пироги — очень даже близко.

— Просто понимаешь, Вика, мне для папы ничего не жалко, но его аппетиты растут. Как только я заикнусь про увеличение прибыли, так его расходы на материалы для творчества возрастают.

— Почему? Ему мало того, что имеется?

— Современные производители хоть и делают разнообразные краски, но пигмент в них не кладут.

— Почему? Разве не в нем вся соль?

— Обычно пигмент дорог, а если его класть много, то, соответственно, и прибыль от проданных красок будет меньше.

— А какая разница, сколько его? — уточнила Виктория. — Краска она и есть краска.

— Смотри, для понимания вопроса: хорошие качественные краски, где пигмента сто процентов, цена будет начинаться от четырех тысяч рублей за тюбик. И это иностранные, про отечественных производителей мы даже сейчас и не говорим, по словам папы, они производят оглушительный мусор.

— Ого! Это же можно купить столько красивых штучек для кухни.

— Вика, я тебе еще больше скажу. Настоящая лазурь будет стоить около тридцати тысяч рублей. Я недавно покупала папе.

— Ты ее оптом сразу брала, что ли?

Я о чем-то, кажется, начал догадываться. Но решил свою версию проверить и уточнил:

— Я так предполагаю, это цена за один тюбик.

— Я так понимаю, папа у тебя откусывает львиную долю дохода.

— Да если бы только папа, — Леся вздохнула. — На самом деле все хорошо, мне не жалко, я, собственно, для них и работаю. Но уже хочется немного отойти от дел, делегировать полномочия, но пока приходится держать руку на пульсе и все контролировать. Без меня многое может пойти не так — и на работе, и в семье. Я должна им по гроб жизни и просто обязана всем обеспечить качественную безбедную жизнь.

Моя супруга призадумалась, а потом с легким подозрением в голосе спросила:

— Я так понимаю, что маме сейчас вот надо дать денег на выпуск очередного сборника стихотворений, которые они сочинят со товарищами в своем литературном кружке?

— Бери выше, не кружок у Аделаиды, а студия.

— О как! Кстати, а в какую сумму тебе обошлась перемена имени для родительницы?

— Об этом я лучше умолчу.

— Анжелике, небось, тоже оплачиваешь обучение, — вспомнив, спросил я.

— Нет. Вот единственный человек, который практически не то что не требует, даже не просит у меня денег, так это Анжелика. Но мне из-за этого становится перед ней порой так стыдно, что хочется дать ей все средства мира, лишь бы она была счастлива. Но она у меня девочка не требовательная, не вылезает из-за компьютера, одевается в какие-то балахоны. Но, глядя по сторонам, я понимаю, что молодежь сейчас вся так ходит. Мода.

— Ой, да кто не модничал в ее возрасте?

— Вот и я о том же. Сейчас много денег уходит и на Лешу. Он решил заняться в очередной раз бизнесом. Но только не скажешь, что его идеи — полный бред. Супруга во всем нужно поддерживать, иначе вся семья развалится.

— Лесь, ну ты взрослая самостоятельная женщина, которая обеспечивает всю семью, — возмутился я. — Ты можешь топнуть ножкой, в конце концов?

— Да в том-то и дело, что не могу. Я так перед ними виновата. А теперь и еще эти картинки... — внезапно Леся отвернулась, и по ее щеке покатились крупные слезы. Мы с Викой растерялись, а потом, не сговариваясь, в один голос спросили:

— Да что за картинки-то?

А я уточнил:

— Это тот самый комикс, про который говорила Лика? Лично я про него уже третий раз за последнее время слышу. Но никак не пойму, что с ним не так. Меня терзают смутные сомнения по этому поводу.

— Видно, скоро моя самая темная тайна вылезет наружу. И уж лучше тогда мне в петлю, чем жить с таким грузом.

Вика от неожиданности всплеснула руками:

— Леся, я тебя совершенно не узнаю сейчас.

Леся зарыдала в голос, размазывая ладонью по щекам тушь и тени. Моя супруга поднялась, приобняла ее и начала тихонько гладить по плечам:

— Поплачь, поплачь, легче будет. Помирать нам рановато, еще есть в Михайловске дела, — напела тихонько она, перефразировав известную песню.

Леся прорыдалась и, всхлипывая, начала рассказывать о том, что у них творится дома. Спустя полчаса легкой истерики мы привели Лесю в чувство, дав ей выговориться и выдохнуть. И наконец-то поняли, зачем она пришла.

Когда ты одна, как в той поговорке, и лошадь, и бык, и баба, и мужик, то дело неминуемо рано или поздно закончится таким вот моментом. Леся тащит на себе дом, семью, фирму, устраивает дела всех, а на себя совершенно забила. Поэтому сейчас ее психика просто нашла способ, как дать организму хоть маленький, но отдых. Виктория тоже все поняла, поэтому на столе появилась бутылочка удивительной наливки, красивые миниатюрные бокалы под нее и новая тарелка с мясной нарезкой.

— Илья, ты же вроде как когда-то боевыми искусствами увлекался? Да и сейчас, я слышала, ты несколькими клиентам помог.

— Так я ж юрист, причем довольно высокого класса, скрывать не буду, — сказал я.

— Да я не об этом. Вон и Василию Любашкиному помог. Я наслышана об этой истории с островом и конным клубом. Можно я тебя найму. Мне страшно, — выпив первый бокальчик, всхлипывая и размазывая тушь, спросила Леся.

Я не нашелся что сказать. Вроде и хорошая знакомая просит, и в то же время я понимал, что никакой реальной опасности не существовало. Может, конкуренты решили таким способом вывести ее из себя, может, кто из знакомых, позавидовав успехам и довольно приличному образу жизни. В принципе, для меня работы здесь не было никакой. Но вот как об этом сейчас сказать Лесе, чтоб и не обидеть, и морально поддержать.

Пока я размышлял над этим вопросом, тщательно пережевывал умопомрачительную буженину, которую приготовила Вика, мой тонкий слух уловил сейчас что-то странное. Сработала сигнализация у моего автомобиля. Почему странно? Да потому что это происходит впервые за все годы жизни в нашем дворе. Кому и зачем мог понадобиться мой автомобиль?

Я выскочил, накинув легкую куртку, которая висела в прихожей для быстрых случаев: вынести мусор, достать почту, спуститься в подъезд по какой-либо надобности.

Через вой сигнализации слышались и другие звуки, как будто кого-то старательно душили: хрипы, придавленные возгласы, возня. Я прислушался и осмотрелся. Дойдя быстрым шагом до машины, поняв, что никто ее взламывать не собирался, я увидел, что как раз на куче песка аккуратно рядом с левой дверцей была какая-то куча-мала, которая мне совсем не понравилась.

Два огромных мордоворота подбежали к бродяге, стоящему нетвердо на ногах возле скамейки, и стали его толкать. Он, конечно, пытался отбиться, но силы были точно не равны, и бедолага упал, пытаясь закрыться руками, а удары сыпались один за другим.

Я решил исправить это безобразие, терпеть не могу, когда обижают слабых. С детства ввязывался в ситуации, когда кому-то была нужна защита. Многие друзья не понимали, зачем я лезу в чужие дела и драки, но я просто так не мог пройти мимо, оставив человека в беде. Синдром спасателя, наверное, как сказали бы современные психологи.

Я, ускорившись, пошел вперед, крикнув отморозкам:

— А ну, немедленно прекратите бить человека! Я вызвал наряд полиции! Отстаньте от него!

Молодчики, видимо, меня не совсем услышали, хотя замедлились и повернули головы при слове «полиция», потом нецензурно выругались, обматерили, пнули еще раз бродягу. Я в один прыжок оказался рядом. С размаху врезал одному в пах, второму ребром ладони по шее. Оба рухнули как подкошенные и застонали. Первый, кряхтя, поднимался, матерясь, как сапожник. В этот момент где-то завывала сирена, и он, схватив буквально за шкуру своего товарища,

поволок его в сторону кустов. Да уж, вот трусы. Такие амбалы, сначала напали на беззащитного человека, а потом удрали, услышав лишь только звук. Что за нелюди!

Я наклонился к мужчине, лежащему под лавкой и кое-как пытавшемуся встать, помог ему подняться, отряхнул от грязи и дал льняную салфетку, которую машинально сунул в карман, когда выскочил во время ужина из-за стола. Мужчина стал вытирать кровь из носа. Я решил уточнить:

— Как вы? Сильно досталось? Что они от вас хотели?

Бедолага стянул с себя нелепую растянутую и помятую панаму. Я удивился: панамы зимой? Присмотревшись, я понял, что это довольно молодой парень, возможно, мой ровесник или чуть помладше. Только очень уж худой и сейчас сильно потрепанный. Он тихо произнес:

— Спасибо вам огромное! Не побоялись за меня вступить. А вроде на первый взгляд не качок, интеллигентный человек. Так вот и не подумаешь, что смогли двух амбалов уложить. Мне даже как-то неудобно. Я бы и сам им навалил, да только их же двое. Пристали ни с того ни с сего, мол, дай закурить, а я не курю сигареты. У меня электронка. А они не понимают. Мол, куришь, а жлобишься, и так вот слово за слово, — он развел руками в знак того, что дальнейшее продолжение разговора я уже видел своими глазами.

Я посмотрел на него внимательно и тут вдруг заметил, как на его правой руке стало расплываться прямо на зеленой куртке темное пятно. Я присел, аккуратно приподнял рукав и ужаснулся. По ходу дела, там была глубокая ножевая рана, скорее всего, задел крупный сосуд, потому что кровь так и хлестала.

Я дернул с горловины домашней кофты толстый шнурок, который служил больше украшением, нежели приносил пользу. Потом пережал вену выше раны и затянул, как меня учили на курсах первой помощи. Хорошо, что моя машина стояла рядом, и я буквально силой впихнул парня внутрь. Тот упирался:

— Да вы что? Это же дорогая машина, я всю перепачкаю. А в больнице сейчас за все платить нужно, а у меня денег нет совсем. Не надо, и так заживет как на собаке. Я правда живучий.

— И везучий. Хорошо, что я вышел, а то бы не видать тебе здоровья, как и своих ушей. Когда они тебя пырнуть-то успели?

— Да я и сам не понял. Просто в один момент все как огнем обожгло и мокро стало. Спасибо, оно правда само заживет.

— Не заживет, это уж я точно знаю, тут зашивать надо. Едем в больницу, не бойся. За деньги не переживай, отдашь натурой.

Парень посмотрел на меня вопросительно, потом рассмеялся, поняв мою шутку. Мы ехали молча, без музыки, без разговоров. Я остановился у ворот знакомой клиники, вышел сам, помог выйти парню и повел его прямо в манипуляционный кабинет, усадил на кушетку — сегодня смена моего хорошего приятеля Юрика, а он должен помочь. За мной следом буквально вбежали сотрудники, Юрий и его напарница Оля — вредная баба, которая прямо с порога закричала:

— Илья Владимирович! Ты что себе опять позволяешь? Ты зачем этого бродягу сюда к нам приволок? Это же бомж, и у него явно нет денег! Кто платить за оказанную помощь будет? Нам из-за тебя всем по шапке влетит!

Я спокойно, но довольно твердо ответил ей:

— Я заплачу за шовный материал и за все, что необходимо. И не позволю истечь кровью человеку, которому требуется помощь, ясно? Это не по-человечески, просто пройти мимо! Так нельзя! Он же тоже человек, несмотря на его образ жизни, как ты выразилась.

Оля фыркнула и со словами «Ну как знаете!» удалилась из кабинета. Зато Юра быстро и умело обработал рану. Парень слегка пофыркивал, чем до смешного напоминал лошадь, морщился от боли, но терпел все, сцепив зубы. Когда он одевался, я как-то случайно обратил

внимание на одну очень примечательную деталь: у него на шее была интересная и необычно крупная родинка в виде сердца. Где-то я такую видел уже. Вот только где и у кого? Ну надо же, бывает такое.

— Жди меня в приемной, никуда не уходи. Ясно? Сейчас все оплачу, поедem назад. У меня побудешь, перекусишь, а там посмотрим, как быть.

Парень стал отнекиваться:

— Да вы что... Нет, я не могу согласиться. Тем более ваша семья наверняка будет против. Ну посмотри на меня! Кто меня в дом к себе пустит?

Я улыбнулся:

— Никуда не уходи, жди меня!

Когда я вышел в коридор, то снова столкнулся с Олей, которая, видимо, подслушивала под дверью с коллегой, они злобно шептались:

— Вот ненормальный! Этого бомжа вонючего еще и домой решил тащить. И что в голове, непонятно. От него наверняка и заразиться чем-то можно. И главное, что ни случись, всех калек своих к нам тащит и тащит, тащит и тащит. Как к себе домой. И что Юрка ему все позволяет?

— Ну он же у нас начальник, ему можно.

Я не стал никак реагировать на бабскую болтовню — это ниже моего достоинства, оплатил счет в кассе, перекинулся парой слов с милой Неллечкой — знакомой медсестричкой, которая не раз меня выручала, и пошел назад. Своего нового знакомого я обнаружил дремлющим на диванчике в холле. Я его слегка толкнул:

— Эй, вставай, нам идти пора! Как тебя зовут-то хоть, горемыка?

Парень сонно потер глаза:

— Антон я, Иванов. Иду, раз уж ты сегодня такой добрый.

— Я не добрый, я справедливый. Зовут меня Илья Владимирович Сергеев, можно просто Илья. Ну что, помчались с ветерком?

После этих слов, когда мы вышли из больницы и уже были рядом с моим автомобилем, Антон сунул мне в руки какую-то замусоленную папку, а сам дал деру, только его и видели. Я ничего не понял.

Сев в салон, я включил свет и раскрыл папку. Кроме бумаг с мелкими цифрами, там был листок с ярким рисунком: взрыв автомобиля напротив высоток. Я, преодолевая брезгливость, взял этот листок из папки в руки и рассмотрел внимательно. Сомнений не было: номер, отлепившийся от взрыва и четко прорисованный на изображении, принадлежал автомобилю Олеси.

Глава 4

Сегодня я отчего-то проснулся ни свет ни заря. Видимо, хоровод мыслей сделал свое дело. А лучший способ привести их в порядок — физическая активность. Как говорила моя бабушка: «Хочешь разгрузить голову — загрузи руки». Но я решил дать нагрузку ногам. Поэтому быстренько привел себя в порядок, вышел на пробежку, тихонько закрыв дверь, чтоб не разбудить Викторию. Морозец хорошо держит в тонусе.

Пока неторопливо бежал, в голове сам собой выстраивался список дел на сегодня. Раз уж неделька выдалась практически не загруженная по работе, надо бы использовать ее себе во благо. Итак, кажется, предстоит очередной поход в строительный магазин. Потом Вика попросила заехать за алкоголем к новогоднему столу. К большому сожалению, службы доставки отчего-то игнорируют этот пункт в списке покупок. А заодно надо будет заглянуть и к старинному приятелю. Иначе любоваться мне весь вечер не на лучезарную улыбку супруги, а на ее надутые губки.

Не так давно ей на глаза попала новинка — сериал про альтернативную версию мира, в котором будет полный матриархат. Этакое женское государство, где у героинь даже не отчество, а матчество. Мужчины же здесь — редкие гости, практически как существа, занесенные в Красную книгу. Да и я уже несколько дней подряд в новостной ленте соцсетей наткнулся на короткие отрывки из этого сериала. Сначала я фыркал, мол, придумают же фигню всякую, и кто это, скажите на милость, смотреть-то будет? Потом скептически пересмотрел пару отрывков длиной не больше минуты. Но Виктории пренебреженно захотелось его увидеть целиком. Сериал выкладывался только короткими 20-минутными сериями. Но где-то же он есть целиком. Думаю, в этом вопросе Кир мне поможет. А может, еще спросить, нет ли у него знакомых художников комиксистов? Особенно с родинкой в виде сердца на шее. Не зря же этот парень вчера околачивался возле нашего дома. Вероятнее всего, он выследил Лесю. А потом и его выследили. Только вот кто?

За этими размышлениями я пробежал привычное число кругов и свернул на дорожку к дому. Вот теперь можно и позавтракать. Интересно, чем Виктория побалуует меня сегодня?

Дома витал молочный аромат. Супруга приготовила овсяную кашу с сыром, сварила какао и сделала бутерброды. От пиал с кашей и толстостенных бокалов с какао шел еле заметный парок. Ноздреватые ломтики хлеба чуть прогибались под желтоватым сливочным маслом, которое Виктория сейчас аккуратно распределяла. Прозрачный мед манил меня, как пчелу, и я, недолго думая, ополоснул руки и уселся за стол.

— Приятного аппетита, дорогой, — проворковала моя супруга и принялась за завтрак.

— Приятного и тебе.

— Ты сегодня сильно занят?

— Да не сказать, что сильно. Надо будет заглянуть в торговый центр «Черный лебедь», кое-что прикупить по мелочам, забрать твои светильники.

— Их доставили? Так быстро? — радостно всплеснула руками Виктория. — А еще что ты хотел именно там?

— Да надо купить несколько листов фанеры для одной моей задумки. Как помнишь, с ремонтом в новой квартирке мы решили с тобой разбираться сами, все сделать своими руками, прибегнув к помощи только таких профессионалов, как электрик, слесарь и сантехник.

— Зато какой простор для творчества, — мечтательно потянула супруга и ласково прижалась к моему плечу.

— Действительно, — улыбнулся я. Дел предстояло много, надо основательно подкрепиться. А потом, наверное, все-таки созвониться с Лесей. Не нравится мне вчерашний затянутый разговор ни о чем. То ли она боится показаться слабой, прося о помощи, то ли не привыкла

этого делать, то ли сама все еще сомневается в своих страхах. Но дело в том, что в существовании смертоносного комикса я верю. Он существует. И более того — папка с ним лежит у меня до сих пор в машине. Эх, надо было вчерашнего парня расспросить поподробнее: кто его послал, зачем, для чего. Да кто ж знал, что он так резко убежит! И чего только испугался?

Поблагодарив супругу за очередное приятное утро, я собрался и отправился в центр Михайловска. Это была старая часть города, нежно мною любимая. Да и торговый центр, который был построен во времена моей юности, был каким-то родным и наиболее адекватным в плане постройки и расположения. Здесь все было на своих местах.

В крохотном магазинчике на третьем этаже царствует Кир — мой старый друг и приятель. Раньше он частенько снабжал меня не то что бы пиратскими версиями новинок, но такими, которые не особо легальным путем попали к нему в руки. Когда привозили что-то интересное, то именно эти диски оказывались в моих руках раньше всех остальных покупателей. Но время дисков кануло в Лету, сейчас можно все получить быстрее и не так заморачиваясь.

Не так давно Кир помог мне немного разобраться в одном деле, связанном с владельцем частного зоопарка, за что я был ему очень благодарен. И вот сейчас было бы уместно заглянуть к нему и позвать в кофейню на чашечку ароматного капучино. Хотя нет, сначала дела, потом — кофе.

Благо, во вновь пристроенном павильоне «Черного лебедя» располагался шикарный строительный магазин, в котором был ну просто невероятный выбор разнообразных материалов на любой вкус, размер и цвет. И, соответственно, на любой кошелек. Отсюда, кстати, мне предстояло забрать светильники, которые выбрала Виктория во вновь приобретенную квартиру. Что-то под старину.

В надежде все быстренько забрать, купить и оформить доставку фанеры я зашел именно сюда. Как ни странно, но ни одного продавца-консультанта поблизости не было видно. В нужном мне отделе присмотрелся к ассортименту, но товара, который мне был так нужен, к большому сожалению, не обнаружил.

— Эй, уважаемый, вам помочь? — раздался голос откуда-то с высоты. Я поднял глаза и увидел, что на стремянке, практически под потолком, находится тщедушная девушка в серой форме.

— Да, мне нужна помощь. Скажите, а у вас фанера есть?

— Вам для строительства? — зачем-то уточнила она. А я не сдержался:

— Да нет, вот над Парижем хотел полетать.

— А-ха-ха, ну вы и шутник. Это мне сейчас главное, как фанера, из-под потолка не спланировать. Спустишь и покажу. Вам надо было еще пару рядов пройти, и тогда бы сами нашли.

Разговор с милой продавщицей немного подзатынулся, так как она решила рассказать мне о преимуществах их товаров. Потом продемонстрировала несколько образцов фанеры. И уж только потом я смог забрать заказ. Зашел на минуточку, называется!

Я выдохнул, забрал два плотных коробка, на которых было написано «Осторожно, хрупкое!» и «Не бросать!», договорился о доставке необходимых мне материалов к нужному времени, прикупил пару перчаток и еще ту самую дрель, которую так уж расхваливал продавец. Зачем она мне, я понятия не имел, но отчего-то захотелось иметь ее в своем арсенале.

Кажется, что ремонт очень схож со спортом: когда ты только-только начинаешь этим заниматься, то тебе хочется приобрести все необходимые атрибуты, которые, как потом оказывается, в принципе, не очень-то и нужны. Если ты целенаправленно решил бегать по утрам, то для этого вполне сгодятся старенькие удобные кроссовки и спортивный костюм и, соответственно, обычная пешеходная дорожка или спортивная площадка в соседнем дворе.

Помнится, была у Виктории одна знакомая, которая, решив подтянуть фигуру и заняться бегом, пару дней зависала на маркетплейсах, сравнивая отзывы о кроссовках, определяясь со штанами и топом, потом подбирала себе фитнес-браслет, потом специальную бутылочку для

воды и напульсники, потом специальный ободок, который не позволял капелькам пота стекать на лоб. Спустя какое-то время Вика со смехом вспоминала, как она поняла, что обычная дорожка под окнами многоквартирного дома ее совершенно не устраивает. Там же гуляют собачники и такие же бегуны. Поэтому она решила приобрести беговую дорожку в квартиру, на ней можно будет заниматься в любое время дня и ночи. А еще приобрести соответствующие видеоуроки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.